

«СОН РАЗУМА РОЖДАЕТ ЧУДОВИЩ»

«THE SLEEP OF REASON PRODUCES MONSTERS»

В последние десятилетия не умолкают споры о том, что представляет собой сегодня наше общество, куда мы идем, на что надеемся. С одной стороны, решительной поступью движется и расширяет свой ареал рыночная экономика, а значит, страна идет по пути развития капитализма. С другой – в Беларуси проводится социально ориентированная политика,

благодаря которой сохраняются принципы социальной справедливости и относительного равенства. Осмысливая балансировку общества и власти между этими двумя альтернативами, обществоведы и гуманитарии предлагают разные концептуальные построения: одни ученые считают, что главное – это развитие технологического и экономического потенциала страны; другие – призывают ничего не менять, а сохранять то, что есть; третьи – отмечают, что если и менять, то исключительно посредством осторожного реформирования; четвертые – призывают ускорить шаг на пути к классическому капитализму, более решительно побуждать население к овладению рыночными способами деятельности и сознания, вплоть до их радикальной ломки. Появляются теории, утверждающие, что можно легко изменить экономическое сознание и поведение людей волевыми решениями: достаточно объяснить всем неправильность их образа жизни и преимущества другого, капиталистического, общества для индивида и для страны в целом. И тогда, возможно, «капиталистический рай» наступит. Есть также концепции, обосновывающие идею невозможности по желанию отдельных людей, пусть даже великих личностей, и в интересах новых социальных групп произвести радикальное изменение привычных, исторически отработанных способов деятельности и сознания. Российский ученый С. Г. Кирдина, например, выдвигает теорию институциональных матриц, определяющих исторически устойчивые способы взаимодействия людей, которые обеспечивают выживание обществ, их целостность, а также непрерывность хозяйственной и политической деятельности социальных субъектов. Все эти направления научной мысли разработаны профессионалами, обоснованы историческими фактами, социологическими и статистическими данными и поэто-

му представляют собой научный фонд различных проекций настоящего и возможного будущего, истинность которых может подтвердить только общественная практика.

Рецензируемая нами книга – «Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» (Минск, 2017) – под редакцией ставшего с некоторых пор известным другой своей книгой «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» бывшего помощника президента К. В. Рудого также решает ряд проблем, связанных с возможностью выбора дальнейшего пути экономического роста Беларуси [1]. Пытаясь разработать и предложить свой вариант национальной идеи белорусского общества, автор утверждает, что главным фактором нестабильности белорусской экономики является неадекватная современным глобальным процессам культурная матрица, основными чертами которой является врожденная отсталость сознания и поведения соотечественников, изменив которые, можно наконец-то создать полноценное классическое капиталистическое общество. Для этого, по мнению автора, необходимо прежде всего изучить культурный код белорусов и – ни много ни мало – радикально изменить его, раскодировать, чтобы вывести экономику на траекторию роста. И, конечно, вывести не просто так, а посредством «внедрения универсальных международных ценностей (например, с помощью иностранных инвесторов, институционализации, просветительного патернализма, общественного подталкивания и так далее)» (с. 2). Это позволит, сформировав коллективное самосознание и ответственность белорусов, самостоятельно выбрать путь социально-экономического развития именно «потому, что так решили мы!». Видимо, этим можно объяснить внимание, которое автор сосредоточил в своей концепции на таких понятиях, как «ментальность», «национальный дух», «культурный код», «культурная матрица» и т. п.

Цель и задачи, конечно, благородные, но каким образом они решаются авторами книги (кроме К. В. Рудого в авторский коллектив входят несколько социологов и экономистов)? Так как заявка на разработку национальной идеи слишком серьезна и претенциозна, более того, способна при определенных условиях повлиять на ход сложившихся трендов развития Беларуси, то это обязывает рецензентов к строгому и не всегда лицеприятному анализу книги в части четкости мышления, логики изложения, точности понятийного аппарата, эмпирической достоверности и теоретической обоснованности идей. В связи с этим попытаемся

рассмотреть основные идеи и способы их доказательства внимательно и критично, как требует того научный подход.

Книгу можно разделить на две части – социогуманитарную, представляющую видение авторами реалий нашего отечества, и экономическую, обосновывающую выдвинутую К. В. Рудым стратегию экономического роста страны. Логика книги подчиняется обоснованию трех главных идей: показать с помощью собственных наблюдений и данных социологических опросов состояние культурной матрицы белорусского народа, т. е. вскрыть основные черты национального характера, мешающие более активно строить капитализм; показать, какая культурная матрица более подходит для этого; рассказать, как переломить привычные мысли и действия белорусов, встроив в них новую матрицу.

Так как идейным вдохновителем данной книги является именно К. В. Рудый, в ее анализе целесообразно апеллировать к идеям, изложенным им в первых двух главах – «Культурная матрица: немного теории и практики» и «Поведенческая экономика Беларуси» – и представляющим теоретическую основу всех последующих глав. Несмотря на кажущуюся искренность и простоту изложения, внимательное прочтение изложенных идей порождает массу вопросов как теоретического, так и методологического плана. Посмотрим, что все-таки скрывается за таинственным названием книги. Хотя она называется просто – «Потому что так решили мы: поведенческая экономика и ее раскодирование», из названия непонятно, автор так решил или читатель и что такое поведенческая экономика в авторской интерпретации. Термин «поведенческая экономика» используется в достаточно специфической области психологии человеческого поведения, связанной с выяснением того, какие психологические ошибки допускает человек в обмене и операциях с деньгами, как вследствие этого знания устранить их, после чего делать на этом деньги. Известные книги в этой области так и называются: *Ариели Д.* Поведенческая экономика. Почему люди ведут себя иррационально и как заработать на этом. М., 2013; *Талера Р.* Новая поведенческая экономика. Почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать». М., 2017. В этом смысле хотелось бы заметить, что уж если автор берется трактовать социальную реальность в системе понятий и категорий определенного направления знания – психологии, то стоило быть относительно последовательным в их использовании. Но автор, рассуждая о поведенческой экономике, делает ошибку – путает психологические основания нерационального, по его мнению, поведения белорусов с культурологическими и социальными. Причем и то, что можно назвать культурологическими основаниями,

в книге представляется не более чем суммой личных впечатлений и предпочтений автора. Это уже другая сфера, а вовсе не поведенческая экономика. На самом деле в книге идет речь о социально-экономическом поведении белорусов: их отношении к собственности, рыночным отношениям, предпринимательству, деньгам, труду, накопительству и др. Уже не одно десятилетие изучают эту тему экономисты и социологи. Автор же, используя принципы и закономерности, утверждаемые поведенческой экономикой, на материале не психологии человека, а социологии и культурологии приходит к совершенно нерелевантным выводам.

Не меньшей загадкой выступает понятие раскодирования, являющееся ключевым в обосновании авторской концепции. Что же такое раскодирование? Если бы автор полагал, что экономическое поведение людей есть нечто вроде сказочной спящей красавицы, которую пробуждает некий герой, то можно было бы понять его озабоченность и старания пробудить от «спячки» белорусов. Но, как видно из дальнейших рассуждений автора, раскодирование белорусского народа (фраза нелепа сама по себе) означает его отказ от своей самости, системы ценностей и социальной субъектности, а по существу, от культурного суверенитета в пользу принятия иных, совершенно чуждых национальному характеру и культуре принципов и норм жизнеустройства, ценностей и идеалов, но, по мнению К. В. Рудого, наиболее эффективных в современных условиях. Эти кажущиеся новыми идеи книги на самом деле представляют собой многократно повторенные и давно уже неоригинальные идеи либерально ориентированных экономистов: белорусские народ и власть неспособны мыслить и действовать так, как принято в развитых странах. Уж слишком люди *памяркоўныя*, ленивые и безответственные, а политика власти – директивная и патерналистская! С такой политикой и такой властью экономического роста не добьешься! Соответственно, у К. В. Рудого, как и у всех сторонников современных либеральных представлений, один диагноз и один способ выхода из социальной спячки: не изменения в материальной жизни общества и практические действия в сфере экономики и культуры, а «создание понятного и благоприятного климата, прежде всего для иностранных инвесторов». Именно иностранные инвесторы – спасители страны (они уже «спасли» Украину!) служат, по мнению автора, механизмом по передаче не только денег, технологий и опыта, но и главного – универсальных международных ценностей (с. 15). Эти ценности позволят трансформировать аборигенную экономику и национальные модели поведения, выявить преимущества, сформировать черты, необходимые для преобразования поведенческой экономики в классическую.

Так в книге появляется понятие культурной матрицы и начинается путаница, которую не спасает даже междисциплинарный подход. Легкость мышления и необремененность категориальной ответственностью приводят автора к смешению понятий, противоречиям и туманным, малопонятным текстам. Он рассуждает о матрице то как о габитусе (П. Бурдьё) – коллективном программировании мышления и поведения, то как о национальном характере, то как об общих для группы людей ценностях, привычках, нормах, правилах, поведенческих практиках, стереотипах, культурных смыслах, то как о менталитете. Можно лишь догадываться, о чем говорит автор. Но чем дальше, тем туманнее. Для характеристики культурной матрицы автор неожиданно обращается к нейрофизиологии, помещая матрицу в лимбическую часть мозга (где находятся еще две – рептильная и когнитивная!) – все это не более чем дурно понятые выводы из нейропсихологических МРТ-исследований, где автор опять же путает нейропсихологические реакции с социально-психологической и социокультурной обусловленностью поведения людей. Так как на уровне психологии культурная матрица изучается, по мнению К. В. Рудого, как элемент бессознательного поведения человека, то бессознательная культурная матрица срабатывает, когда информации больше, чем возможности ее осмыслить, и человек пытается подогнать реальность под свои привычки, нормы и стереотипы. Тем самым человек ведет себя иррационально и «ходит по кругу» (с. 25). Почему «бессознательно» – обязательно «иррационально», понятно только автору этих строк. И почему культурная матрица, которую автор относит к некоей «коллективной бессознательной этничности», т. е. ментальности, исключительно «формируется под влиянием повседневности и бессознательно обучает человека, “что такое хорошо” и “что такое плохо”» (с. 26). Спрашивается, а разве книги, театр и кино, просто дидактика по отношению к научаемому, где прямым текстом и вполне осознанно и рационально объясняется, что такое хорошо, а что такое плохо, не обучают человека? А культурный опыт других стран и народов? Разве не формируют нашу ментальность, т. е., учат нас тому, что такое хорошо и что такое плохо, сонеты В. Шекспира, романы Л. Толстого, Дж. Лондона и др.?

Но вершиной «научного» теоретизирования и словесной эквилибристики является характеристика автором культурной матрицы как предмета исследования других социально-гуманитарных наук. Дословно: «В социологии, социальной психологии культурная матрица рассматривается с точки зрения, как соприкасаются ментальности индивидуумов и складываются общественные ориентиры» (с. 26). Полная неразбериха начина-

ется и тогда, когда автор приступает к анализу культурной матрицы в политологии: «В политологии культурная матрица чаще всего встречается в исследованиях, посвященных неформальным институтам, национализму, авторитаризму. При институциональной неразвитости, низком уровне доверия к государству и обществу повышается ценность родственных, дружественных, неформальных, традиционных связей, социального капитала. В таких условиях культурная матрица становится определяющей в поведении. На этой почве проявляется национализм, популизм и авторитаризм. Они противопоставляются мультикультурности, рационализму и демократии» (с. 27). Во-первых, автор, видимо, так увлекся, что не заметил, что это понятие встречается в совершенно разных исследованиях. Во-вторых, данное утверждение противоречит высказанной ранее точке зрения, согласно которой культурная матрица определяет поведение независимо от «доверия государству» и иных факторов. На самом же деле в ситуации институциональной неразвитости, происходящей, как правило, либо вследствие революционных социальных изменений, либо заимствований, когда происходит «переборка» вариантов социальных институтов, на определенном этапе еще недостаточно развитых, культурная матрица в меньшей степени воздействует на людей, ибо поддерживается главным образом социальными организациями, которые могут карать и награждать только по формальным основаниям. Заявление о том, что в политологии понятие культурной матрицы объясняет природу неформальных институтов, национализма и авторитаризма, заводит автора в еще более дремучие дебри: «Чем сильнее укоренилась в обществе культурная матрица, тем сложнее воспринять другие культуры и тем медленнее движение общества к демократии» (с. 27). К. В. Рудый, наверное, совсем забыл, а может быть, и не знал, что противоположностью «укорененности в культурной матрице» является аномия (Э. Дюркгейм; Р. К. Мертон), т. е. состояние беззакония, «безнормности», обуславливающее рост отклоняющегося поведения (суицидальные настроения, апатия, разочарование, противоправное поведение). То, что именно оно, по мнению автора, является дорогой к демократии, весьма дурно характеризует последнюю. При этом автор постоянно противоречит себе. То культурная матрица является тормозом развития личности, общества и экономики (с. 27), то вдруг она из тормоза превращается в гибкую систему: «С учетом своей открытости культурная матрица постоянно рефлексивирует и адаптируется, поэтому является непредсказуемой. Она может изменить структуру своих субъектов, веса ценностей в системе» (с. 29).

Создается впечатление, что книга, особенно первая и вторая главы, выражают скорее верования,

субъективные предпочтения и фантазии автора, чем его научные суждения. Говоря о возможности отсутствия у власти в периоды кризисов воли к политике экономического роста, К. В. Рудый пишет: «Однако в связи с тем, что политическая воля проявляется под влиянием не экономических, а политических, социокультурных факторов, она может оказаться в ловушке культурной матрицы. Чем ближе политики к культурной матрице, тем лучше они воспринимаются и поддерживаются населением и тем сложнее выйти из нее, чтобы снять культурные барьеры для роста экономики» (с. 28). В частности, он говорит: «Во многом поэтому популярные лидеры (популисты, демагоги, националисты) часто остаются на долгое время в коллективной памяти, хотя, как правило, доводят свои страны до экономической катастрофы (например, И. В. Сталин)». К. В. Рудый, видимо, забыл, что И. В. Сталин, при всех его недостатках, довел страну до состояния динамично развивающейся сверхдержавы, второго мирового полюса. При этом есть множество непопулярных лидеров, которые довели свои страны до экономической катастрофы. В истории известно немало популярных лидеров, чье правление было вполне успешным для страны. Более того, популярные лидеры далеко не всегда являются популистами, демагогами и националистами. Например, И. В. Сталин и А. Линкольн такими не являлись. Так что никакой прямой связи между популярностью, успехами/неуспехами, популизмом и национализмом нет. А нечеткость понятийного аппарата у автора просматривается вполне определенно.

Странен способ обоснования автором теоретических рассуждений эмпирическими данными, в частности социологическими. Так, заявляя о прямой связи между институциональной неразвитостью, низким уровнем доверия к государству и обществу и повышением ценности родственных, дружественных, неформальных, традиционных связей, социального капитала и не найдя ей эмпирического подтверждения, К. В. Рудый интерпретирует ее в угоду своей концепции, что методологически совершенно недопустимо. Так, в характеристике культурной матрицы белорусов появляются такие негативные черты, как семейственность, двойственность сознания и поведения, патернализм и др. Откуда автор взял данные, например, о семейственности? Оказывается, что данные социологического опроса Института социологии НАН о том, что для большинства белорусов основной жизненной ценностью является семья, К. В. Рудый, не мудрствуя лукаво, интерпретировал как проявление семейственности, благодаря которой, по его мнению, «воспитывается коллективизм и противопоставление “мы против них”» (с. 30). Но любой образованный человек знает, что смысл по-

нятия семейственности в общественном сознании заключается в злоупотреблении служебным положением ради интересов семьи, продвижении родственников в ущерб меритократическим принципам т. п., а вовсе не в признании семьи важной жизненной ценностью. Так можно ли серьезно относиться к этим и другим «открытиям» К. В. Рудого в характеристике белорусов, воплощенной в так называемой культурной матрице?

Различая культурные матрицы по масштабности (глобальная, региональная и др.), автор заявляет: «Региональная матрица может подавлять национальные. Например, такой была советская матрица. После распада СССР казалось, что произойдет региональное раскодирование, возродятся национальные матрицы. Спустя 25 лет очевидно, что региональная матрица для ряда постсоветских стран не исчезла, а трансформировалась» (с. 31). Такое суждение заставляет нас предположить, что автор считает, будто нации имеют премордиальный характер. Тем самым он демонстрирует себя как весьма экстремальный националист, что на фоне его антинационалистических высказываний производит странное впечатление. Впрочем, автор, скорее, попросту не понимает того, о чем пишет. В частности, говоря, что «действительными примерами глобальной мультикультурной матрицы можно назвать из прошлого Венецию и Геную» (с. 31–32), он забывает, что первая глобализация как эпоха обозначается в науке с 1870 г. до начала Первой мировой войны. Расцвет же и Венеции, и Генуи пришелся на XIV–XVI вв. Спрашивается: какое отношение имеет позднесредневековая культура североитальянских городов к глобализации, которая якобы «мультикультурна и проповедует универсальные ценности: открытость, прозрачность, толерантность, плюрализм и прочее»? Напротив, итальянская культура позднего Средневековья была вовсе не открыта, не толерантна и не плюралистична, даже в сравнении с культурами некоторых других европейских народов.

Нужно сказать, что, для того чтобы доказать идею о том, что пресловутое раскодирование белорусского общества (в смысле отказа от своей культуры, ценностей и образа жизни) есть единственное спасение для страны и ее экономики и основным фактором этого выступает открытость страны для иностранного инвестирования, К. В. Рудый идет на все: в книге наблюдаются неадекватные интерпретации не только социологических данных, но и исторических событий. Например, говоря о Швеции, автор пишет: «До открытости и реформ, проведенных министром финансов И. Грипеншдетом в 1860-х гг., это была бедная страна не только по европейским меркам, но даже беднее Конго. Лишь после раскодирования, открытия страны и ее экономики в Швеции наступила продолжающаяся

до сих пор так называемая эпоха “100 лет роста» (с. 36). Автор этих строк вряд ли знает, что Швеция, которая до Северной войны с Россией была могучей североевропейской империей, конечно, обеднела по результатам многолетней войны и поражения в ней, но исторически быстро пришла в норму, понятно, не будучи уже империей. Ее преуспевание начинается с 1920–30-х гг., когда усилился английский (в первую очередь, но не только) спрос на шведское железо. Производство железа обусловило рост производства железных изделий внутри Швеции, что привело к укрупнению сельского хозяйства и увеличило его производительность. Эти факторы плюс демографический рост привели к переизбытку населения, его миграции в города и росту промышленности. К 1960-м гг. промышленная буржуазия усилилась настолько, что смогла побороть старую, полуфеодальную земельную аристократию, а значимым результатом этой борьбы стали реформы в экономике и властных институтах. Причем тут пресловутое раскодирование, совершенно непонятно? Причиной реформ стало не какое-то нелепое раскодирование, а социально-экономические изменения. То же – с Аргентиной. К. В. Рудый пишет: «В 1870–1914 годах у Аргентины был самый высокий прирост ВВП в мире – порядка 6 % в год, что было обусловлено открытостью ее экономики, миграцией трудовых ресурсов из Италии, притоком иностранных инвестиций, экспортом говядины и пшеницы. К 1914 году Аргентина входила в десятку богатейших стран мира, опережая Германию и Францию. Ситуация изменилась после введения защиты национальных ценностей, импортозамещения, ограничений по движению капитала, усиления государственного контроля. Это привело к столетнему отставанию Аргентины» (с. 36). Во-первых, политика импортозамещения была вынужденной. Проблема аргентинской экономики заключалась в ее сельскохозяйственном характере, и уже в 1920-е гг. стало очевидным, что факторы роста исчерпаны, а глобальный кризис 1929 г. нанес удар в первую очередь по сырьевым экономикам. Политика импортозамещения была попыткой индустриализации страны и перевода экономического роста на другие рельсы. Именно импортозамещение, согласно предположениям реформаторов, должно было эволюционировать в промышленный экспорт. Но поскольку рынков сбыта Аргентине никто не уступил – из-за них шли мировые войны, все закончилось так, как закончилось. Любопытно, почему автор не стал рассказывать об Аргентине конца XX в. – любимом детище МВФ? О том, как страна, исполняя все рекомендации МВФ, т. е. делая, по сути, все, к чему призывает автор, с треском обанкротилась, как только после десятилетий роста в мировой экономике ударил кризис?

Пример же Японии, который также приводит автор, вовсе нелеп, ибо апеллировать к открытости

государства во второй половине XIX в., сравнивая эту открытость с открытой экономикой в современных экономических теориях, не научно, поскольку это совершенно несравнимые вещи. Кроме того, автор умалчивает о том, что японская экономика весь XX в. и сегодня отличается крайне закрытым характером: иностранный бизнес там практически, за редкими исключениями, не в состоянии работать. Пример Японии очень полезен и для того, чтобы понимать всю нелепость идей перекодирования целых народов. Если обратиться к 1950-м гг., можно видеть, что все западные экономисты и промышленники были уверены в неспособности японцев к промышленному производству. Например, газета *The Times* отмечает: «в 1981 году в Лондоне был опубликован отчет делегации английских бизнесменов и экономистов, скрупулезно изучавших промышленное производство в Японии. В отчете указывалось, что совсем недавно на Западе смутно представляли себе, что делается в японских фирмах. Американцы, например, были твердо убеждены в том, что японские фирмы управляются несведущими в теории менеджмента людьми, которые только тем и занимаются, что неотступно следят за работой своих слабоквалифицированных соотечественников, вручную копирующих изделия американского массового производства. Но вот когда в 70-х годах в американских портах стали ежедневно разгружать по 5–6 тысяч первоклассных автомобилей, мнения резко изменились» [2–4].

Под идеологию открытости и мирового разделения труда идеологи либерализма в послевоенной Японии требовали встраивания японской экономики в мировую в виде придатка, где основными отраслями были бы сельское хозяйство и рыбная ловля с переработкой. Тогда и в Японии бродили идеи, как изменить японский характер и стать похожими на американцев. Сейчас об этом вспомнить попросту смешно. Но тогда либерально настроенные политики и интеллигенция, например Х. Ичимада, управляющий банком Японии, заявляли: «Развитие автомобильной промышленности в Японии является бессмысленным. Наступило время международного разделения труда. Сейчас, когда мы можем получать недорогие автомобили превосходного качества из США, почему бы нам в этом на них не положиться?» [5]. Ничего эти слова не напоминают?

С чего же началось японское экономическое чудо? С того, что в Японии в 1950-е гг. были очень влиятельны коммунистические идеи и наблюдалось сильное социальное напряжение. Американцы, убежденные в том, что согласно распространенной теории домино они могут потерять Японию, решили поддержать японскую экономику и открыли японцам свои рынки. Вот, собственно, и все. Никакого перекодирования не понадобилось. Более того, знаменитый японский менеджмент не изменил

свою утрированно национальную природу. Те самые качества, которые еще недавно, как казалось японским политикам, мешали экономическому развитию, сделали важнейшим фактором успеха.

В общем, обсуждать все примеры, что приводит автор, не стоит. Обилие необоснованных утверждений слишком велико, и нет необходимости тратить время на их подробный анализ. Стоит обратить внимание лишь на принципиальные вопросы. Так, автор, критикуя государственный протекционизм, приводит в пример страны, которые добились успеха в ситуации экономической открытости. Даже закрывая глаза на неточности, необходимо заметить, что с точки зрения логики такое обоснование ошибочно. Дело в том, что можно привести в пример множество стран с открытой экономикой, которые не добились никаких успехов. Например, Гаити имеет одно из самых свободных экономических законодательств и при этом является одной из самых нищих латиноамериканских стран. И таких государств немало. При этом в истории немало стран, где именно протекционизм привел к успехам. Еще Д. И. Менделев в 1897 г. писал Николаю II «о покровительственной системе»: «Если же Англия лет 50 фритредерствует в наше время, то нельзя забыть, что лет 200 в ней действовал усиленный протекционизм, начало которому положено навигационным актом (1651), что она и поныне превосходит другие страны промышленно-торговым развитием, выросшим на почве протекционизма» [6].

Также можно привести в пример Германию конца XIX в., где политика протекционизма была вполне успешной и полезной для развития германской промышленности. Про Японию уже шла речь, причем протекционизм там осуществлялся не законодательно, а в результате действия негласных механизмов, связывающих японский бизнес и власть. То есть на самом деле, если не ударяться в нездоровую фиксацию на проблемах открытости/протекционизма, можно сказать, что вовсе не этот фактор является основным для экономического роста. И именно разнообразие примеров из реальной жизни это подтверждает.

Анализировать главу, посвященную культурному коду белорусов, довольно сложно, ибо она вся пронизана негативизмом по отношению к национальным особенностям белорусского народа. При этом она не является научной ни по форме, ни по содержанию. То есть в ней нет ни четких определений, ни описания методик, с помощью которых получены умозаключения. Только личные мнения и фантазии автора. Суть утверждений автора заключается в том, что белорусский культурный код бесповоротно испорчен русским (советским) кодом. Вот основные черты этого «вредоносного» кода:

1. «Замещение индивидуального “я” государственным “мы”. При этом государственное “мы”

не означает общественное и не означает совокупность индивидуальных. Государственное – это что-то идеологическое и символическое. Такой религиозный подход, с одной стороны, порождает фанатизм, гигантоманию, масштабное мышление, ориентацию на империю и самодержавие (что еще в большей степени выражено у россиян)» (с. 39–40).

2. Ориентация на систему запретов, а не на мотивацию к достижениям. «В СССР не были развиты механизмы стимулирования и конкуренции людей и лидерства. В советском человеке, скорее, наблюдалось приспособление к репрессивному режиму с ориентиром на упрощение. Поэтому, вероятно, главной его характеристикой была установка на выживание. В связи с этим советский человек выглядит довольно циничным, лицемерным, беспринципным, не верящим власти и озабоченным только вопросами выживания и благополучия своей семьи и близких (автор приводит в качестве подтверждения высказывание Левады). В нем ярко выражено “плутовство лакея”, одновременно покорность с услужливостью и невежество с хамством. С помощью этих черт он не просто демонстрирует примитивную лояльность, но и делает это, играя прежде всего себе на пользу <...>. Это отражается и на его внешнем виде. Американский финансист М. Льюис заметил, что, вероятно, из-за коммунистического наследия, например, восточные немцы сутулятся, а западные – более гордые и стоят прямо» (с. 40).

3. «Модель тактического, а не стратегического мышления и поведения. В советский период длительная идеологическая абстракция привела к низкой чувствительности общества к долгосрочным планам и стратегиям. В таких условиях сформировалась общественная склонность к конкретным и быстрым результатам. Это выражается в таких характеристиках современных белорусов, как активность ради активности, поиск решений и сатисфакция обозримыми вещами, краткосрочный горизонт планирования, низкая склонность к инвестированию, замещаемая высокой склонностью к потреблению и прочее» (с. 40–41).

4. «Если еще глубже взглядываться в темноту советского коммунизма, то виднеются леденящие душу сходства с крайними формами идеологии прошлого века – итальянским фашизмом и немецким нацизмом», – резюмирует автор (с. 41).

Можно ли сколь-нибудь серьезно обсуждать этот набор мифологических нелепиц в адрес белорусов, русских и вообще советских людей? Вместо аргументации автор заявляет, что «дальнейшее углубление в историю для изучения белорусской матрицы имеет невысокую практическую ценность в рамках данного исследования...» (с. 42), и продолжает рассуждать, используя собственные идеи как твердую почву для аргументации. А зря. Ведь изучение истории СССР могло бы показать ему, что именно за счет длинных стратегий советская власть

не только возродила страну после краха 1917 г., но и смогла превратить ее во второй полюс мира. Напротив, как оказалось, именно капитализм по своему существу имеет крайне ограниченный горизонт планирования, связанный с тем, что единственной целью капиталистического хозяйствования является получение прибыли, что в условиях сравнительно высокой волатильности современных рынков закрывает возможность осуществления по-настоящему долгосрочных инвестиций. Также высокую роль в этом играет цена денег: чем она выше, тем короче шаг до фиксации прибыли. В Беларуси цена денег очень высока. Именно этот фактор, а не мифические коды заставляют вести бизнес определенным образом, отказываясь от долгосрочных финансовых вложений. А уж рассуждения насчет сторбленных восточных немцев и вовсе не могут вызвать ничего, кроме усмешки. Во-первых, потому, что бытовые замечания какого-то американца (не ученого) не могут быть основанием для выводов научного характера, а во-вторых, даже если предположить, что наблюдения адекватны реальности, им можно найти множество куда более правдоподобных объяснений. Например, что уровень безработицы в Восточной Германии после объединения еще долго был существенно выше, чем в Германии, а восточные немцы, воспитанные в социалистической ГДР, где о безработице и не слышали, самим фактом безработицы были угнетены и подавлены.

Постоянные обвинения в сторону советской культурной традиции, которая, по мнению К. В. Рудого, очень сильна в белорусском обществе, зиждутся на необъяснимой с точки зрения здравого смысла (неумышленной, а может умышленной?) трактовке фактов. Например, автор сетует на повсеместное распространение матерной ругани (с. 46), которую сегодня можно услышать даже с экранов телевидения, из уст актеров театров, в книгах и кино, объясняя это наследием советской эпохи. Однако любой человек, который успел сознательно пожить в СССР, знает, насколько строго там табуированная лексика не допускалась в литературный язык, на телевидение и вообще в публичную сферу. Это говорит о том, что К. В. Рудый абсолютно незнаком с историей табуированной лексики в России и в мире. Иначе бы он знал, что в западных странах табуированная лексика, такая как мат, также существовала в прошлом, но в буржуазную эпоху легализовалась, потеряла запретный характер. В результате в американских фильмах мы можем услышать многочисленные *Fuck you!*, что в русском языке буквально являлось бы матерным выражением. В русскоязычном пространстве этот процесс в советскую эпоху происходил с куда меньшей интенсивностью и развернулся только после краха СССР. Таким образом, даже там, где автор пользуется сторонней научной информацией, где речь идет о количестве граждан Беларуси,

которые с определенной интенсивностью в быденной жизни и публичном пространстве слышат матерные выражения, он предлагает совершенно нелепые и тенденциозные интерпретации. Это касается также его высказывания о том, что «именно страх является ключевым мотивационным фактором советского человека и проектором белорусского общества на советское прошлое» (с. 93). На фоне этих фантазий стоит обратить внимание на мнение В. А. Ядова, который еще в 1967 г. вместе с соавторами А. Г. Здравомысловым и В. П. Рожиным провел знаменитое социологическое исследование «Человек и его работа», принесшее им мировую известность. Исследования показали, что как раз страх являлся мотивирующим моментом для советских трудящихся в наименьшей степени: советские люди были озабочены вполне понятными вещами, как то болезнями, потерей близких, угрозой войны в конце концов. Однако они решительно отличались от американских коллег отсутствием страха потерять работу, который у американцев стоял на первом месте и являлся главным мотивирующим фактором. Вот что говорит В. А. Ядов в своем интервью 2009 г.: «Верно, советские и американские равно различаются в их мотивации в зависимости от содержательности труда. С одним “но” – у американцев независимо от характера работы на первом месте – озабоченность занятостью, страх увольнения. В последней книге есть глава о постсоветской ситуации. Мой сын Коля провел исследование буквально на тех же питерских заводах и рабочих местах, где были заняты молодые сорок лет тому назад. Вывод нетрудно предугадать: сегодня мы от них не отличаемся» [7]. Кстати сказать, страха перед политическими репрессиями советские граждане 1967 г. также не продемонстрировали.

Еще одной чертой национального характера (по К. В. Рудому – культурной матрицы) белорусов, кроме семейственности и «совковости», мешающей строить классическое капиталистическое общество, согласно авторской концепции является двоемыслие: «Двоемыслие – это стержневая черта белорусов». Что имеет в виду автор под этим, совершенно непонятно. Автор поясняет свою мысль следующим образом: она наблюдается в рассуждениях, поведении, одновременном проявлении двух противоположных черт и их быстрой смене. Например, угрюмость и неулыбчивость сменяются душевной открытостью, суровость и уход в себя – обаянием и дружбой, жадность – щедростью, страх – смелостью, сдержанность – импровизацией, самокритика – завышенной самооценкой, сентиментализм – прагматизмом, коллективизм – индивидуализмом, консерватизм – либерализмом, авторитаризм – демократизмом (с. 47). Но подобные рассуждения человека, обратившегося к культурологической тематике, по меньшей мере странны. Все общества, все культуры мозаичны и многозначны.

В любой национальной культуре мы можем наблюдать проявление и даже художественное закрепление всевозможных противоположных черт. Те же немцы – и прагматики со склонностью к порядку, и непрактичные романтики: и тот и другой образы широко представлены в немецкой литературе и искусстве как типические для немецкого характера. В свое время осуществлялась попытка выявить национальные характеры разных народов по бытующим у них пословицам и поговоркам, но, как оказалось, это невозможно. У всех народов есть пословицы и поговорки практически на любой случай жизни и обосновывающие совершенно противоположные линии поведения. В общем, вся концепция двоемыслия как национальной черты белорусов совершенно не научна и надумана. Автор не знает таких вещей, которые должны быть известны каждому, кто занимается культурологической и социологической проблематикой. Например, фразы: «Коллективизм в Беларуси формируется под влиянием семейственности и советского наследия <...>. Однако порой белорусский коллективизм непредсказуемо сменяется индивидуализмом, противоречащим коллективным интересам» (с. 49) – это оксюморон. Семейственность противоположна коллективизму, ибо разделяет коллектив на семейные группы, нарушает меритократический принцип, основополагающий для коллективистских моделей современности, в том числе для коллективизма советского.

Вообще, все разговоры об индивидуализме и коллективизме слабо аргументированы. Нет ни результатов замеров, ни сравнений с показателями других стран. Разговоры о том, что индивидуализм лучше, чем коллективизм, подобны старой шутке: «Свобода лучше несвободы наличием свободы». Впрочем, вопросы соотношения коллективизма и индивидуализма в идеологии и национальной психологии на фоне успехов стран Тихоокеанского региона, Южной Кореи (да можно сказать, и Северной, ибо осилить ядерную и ракетную программу – это тоже немало), Китая и других стран представляются несколько более сложными, чем кажется автору. В общем, начиная с того, что белорусское общество – слишком коллективистское, автор заканчивает тем, что оно чересчур индивидуалистичное, причем и индивидуализм, и коллективизм белорусов какой-то неправильный. Все это никак не доказывается, а лишь невероятно многословно постулируется.

Столь же надумана критика К. В. Рудым советской системы управления, будто бы сохранившейся в Беларуси, хотя, видимо, автор имеет слабое представление именно о советской системе управления. Автор, приписывая советской и белорусской системам управления обычные черты любой иерархически бюрократической системы, край-

не негативно их описывает, в то время как такие системы управления существуют сегодня практически везде. Естественно, никакими аргументами, никаким вменяемым анализом автор себя не утруждает. Например, чем-то плохим и советским объявляется модель принятия решений в стране: «Используемый в Беларуси советский механизм принятия решений предполагает сочетание личных неформальных договоренностей с их письменной формализацией: лучше все положить на бумагу, подписать и поставить печать» (с. 70). Почему этот механизм назван именно советским? А в Германии или Индии, например, разве не так? Почему договоренности являются неформальными, если их фиксируют письменно, согласно формальным правилам? Что в этом плохого? По мнению автора, не нужно договариваться или не нужно фиксировать письменно? Автор вообще понимает, что пишет? Такими же далекими не только от науки, но и от элементарного рационального рассуждения являются попытки обвинить страну в существовании таких черт, как советское прошлое, причем само это понятие выступает не более чем ругательством. Например, автор утверждает, что сегодня в Беларуси советская идеология. Понимает ли К. В. Рудый вообще, что такое идеология: может быть, в Беларуси провозглашено построение коммунизма? Может быть, в стране утверждена общественная собственность на средства производства? Может быть, пролетариат является классом-гегемоном и это отражено в распределении доходов?

Одним из центральных мотивов работы является обвинение и белорусских властей, и всего общества в отрицательном отношении к обвальная приватизации (с. 69–71, 92). Каких только определений не использует К. В. Рудый, обвиняя белорусов в страхе перед всем новым, в боязни репрессивной системы, отсутствии всякой инициативы и т. п., доходя в этих обвинениях до совершенно шекспировского трагизма. При этом автор умалчивает, что в европейских странах доля государственной собственности весьма высока. Как бы то ни было, доля госсобственности в белорусской экономике не является чем-то исключительным и уж точно не может быть показателем какого-то мифического двоемыслия. Стран, где была бы только государственная или частная собственность, сегодня, наверное, и не существует. Разве что в Северной Корее. В таком случае, согласно утверждению К. В. Рудого, во всем мире господствует двоемыслие.

Кроме того, нужно сказать, что высказанные мимоходом сентенции в трактовке исторических фактов поражают своей поверхностностью и неточностью. В частности, хотелось бы, чтобы автор, приводя исторические примеры (руководство К. Е. Ворошилова на ленинградском направлении в 1941 г. (с. 82)), ангажированные трактовки других

исторических фактов, руководствовался серьезными источниками, а не пропагандистскими агитками. Кстати, сообщил бы читателю, в какой армии, сражавшейся на полях Второй мировой войны, не было подразделений, аналогичных заградительным отрядам Красной армии? Или же что он имел в виду, говоря: «Опыт Главного управления лагерями (ГУЛАГ) при НКВД, созданного в 1930 году Госпланом СССР для ускорения первой советской пятилетки, все чаще вызывает аналогии при необходимости жесткой дисциплины и мотивации для поднятия белорусской экономики» (с. 95), учитывая тот факт, что общие лагеря были переданы в систему ГУЛАГа только в 1933 г., когда первая пятилетка уже закончилась? Не менее одиозны его рассуждения о русском языке (с. 91), который является основным языком общения в Беларуси при официальном двуязычии. Они, мягко говоря, удивляют, а по большому счету противоречат Конституции и законам Республики Беларусь.

Даже если не обращать внимания на большую часть содержимого книги, посвященную социологическим, культурологическим и историческим научным рассуждениям (если, конечно, вообще можно в этой части говорить о научности), то остается экономическая часть, где автор предлагает «наилучшие» варианты для выбора пути экономического роста Беларуси. В основу критерия такого выбора положен принцип первичности институциональных изменений в экономике. Предполагается, что в стране должны быть произведены те или иные институциональные изменения, вследствие чего экономика страны должна зашагать семимильными шагами, учитывая, что белорусы решительно изменят черты своего национального характера.

Но даже Д. Норт, классик неоинституционального направления в экономике, вполне понимает, что новые институциональные формы, законы и правила есть в первую очередь следствие деятельности экономических субъектов, обладающих социально-экономическим весом, которые, отстаивая свои экономические интересы, меняют институциональную структуру, утверждают новые правила и законы. Можно сказать, что сначала появляются влиятельные социальные группы, заинтересованные в определенных правилах игры, а уж затем они добиваются институциональных изменений и контролируют их адекватное выполнение. К. В. Рудый апеллирует к опыту Китая, при этом сколь-нибудь прозрачного и структурированного понимания причин китайских успехов и обусловленности новейшей социально-экономической истории Китая у него нет. Например, он весьма одобрительно отзываясь об институциональных реформах в Китае, полагая именно эти реформы источником успехов.

Однако возникает вопрос: с каких именно событий началось успешное движение КНР по капита-

листическому, если без экивоков, пути? На самом деле никакой тайны нет. Начальная точка этой траектории лежит в решительном потеплении отношений КНР и США в 1970-х гг., причем причины были в первую очередь политическими – речь шла о союзе против СССР. Уже только во-вторых решались экономические проблемы обеих стран. Можно, конечно, полагать, что ни с того ни с сего Ден Сяопин после десятилетий развития страны по определенной траектории в 1978 г. принялся реформировать китайскую экономику, однако вряд ли случайным является совпадение начала реформ и подписания Соглашения о торговых отношениях КНР и США 1979 г., согласно которому стороны взаимно предоставили статус наиболее благоприятствуемой страны, причем очевидно, что сам договор готовился задолго до его формального подписания.

Суть в том, что реформы Ден Сяопина имели смысл только в одном случае: капитализм развивается тогда, когда капиталистическая экономика имеет рынки сбыта. Наличие рынков является источником успеха капиталистического развития и, по сути, единственным источником. Таким образом, на рубеже 1970–80-х гг. для китайских производителей были открыты громадные американские рынки. Только вследствие этого в китайскую экономику стало выгодно инвестировать. Просто по той причине, что произведенное в Китае было куда продать. Даже дешевая рабочая сила стоит на втором месте, ибо стран с дешевой рабочей силой много, а вот стран, допущенных на самый большой на тот момент рынок в мире, куда меньше. Согласно данным Белой книги китайско-американских отношений, «Соединенные Штаты стали одним из наиболее быстрорастущих рынков сбыта китайских товаров, а Китай, в свою очередь, стал для США одним из наиболее быстро растущих рынков экспорта» [8]. Рыночные реформы без рынков сбыта однозначно привели бы и ту китайскую экономику, что существовала на момент начала реформ, к краху, что со всей очевидностью доказано судьбой постсоветских экономик, которым свои рынки никто предоставлять и не собирался. Схема совершенно ясна и не требует никакого таинственного раскодирования. Капитализм растет на рынках сбыта, в результате чего растут социальные группы, связанные с этим ростом, которые, в свою очередь, формируют новые правила игры.

Появление и рост социального класса, заинтересованного в определенных правилах игры, стало источником институциональных изменений и их законодательного оформления. Сами по себе никакие законы не могут работать, и как бы хороши ни были законы и правила, без влиятельных социальных групп, прямой интерес которых заключается в соблюдении этих правил и контроле за ними,

такие законы превратятся лишь в благие пожелания. Именно такие процессы продемонстрировала история китайских реформ.

Вышеописанное также демонстрирует совершенную бесперспективность ставки на внешние инвестиции в ситуации отсутствия привилегированных рынков сбыта. Ибо инвестор инвестирует средства в производство, только имея в виду дальнейшие продажи произведенного. Если рынков сбыта нет, возможны только спекулятивные инвестиции. Поэтому приговором рассуждениям автора насчет инвестиционного климата, который можно «унюхать, выходя из самолета», явилось его же замечание: «По итогам опроса в 2016 году Национальным центром правовой информации из 46 иностранных организаций 33 назвали главным барьером для инвестирования в Беларусь падение платежеспособного спроса. Аналогичные результаты получены и при опросе иностранных инвесторов юридической компанией “Арцингер и партнеры” в 2016 году» (с. 184). Собственно, речь и идет о рынках сбыта, в данном случае о внутренних рынках.

Впрочем, есть еще одна форма инвестирования – приватизация. Это та форма, о которой говорят чуть ли не больше, чем о прямых инвестициях. Занятно, что именно здесь те, кто воспевают осанну китайским реформам, как-то замалчивают китайский опыт. А ведь дело в том, что никакой приватизации в Китае не было. Вернее сказать, не было приватизации в сфере крупного промышленного производства. А вот в сфере мелкого бизнеса и на селе приватизация была вполне успешной, но наших реформаторов она почему-то не очень интересует. В чем же дело? Во-первых, инвестиции, которые нас интересуют, – это не смена собственника, когда прибавочный продукт вместо государства станут получать некие частные лица, а в первую очередь технологические инвестиции. На самом деле, когда есть рынки сбыта, бизнес совсем не нуждается в приватизации существующих предприятий. Более того, тот, кто приходит со своими технологиями, как правило, за исключением редких случаев, не нуждается в существующих производственных мощностях. Такой инвестор возводит собственные мощности, собственную технологическую структуру.

Итак, возникает вопрос: в чем же смысл приватизации в таком случае? Конечно, трудно охватить все причины, ради которых государства проводят приватизацию. В некоторых случаях это привлечение финансовых ресурсов при сохранении го-

сударственного контроля. Иногда такие примеры можно наблюдать во Франции и России: приватизацией пытаются создать крупные концерны в тех или иных сферах экономики, способные на равных противостоять транснациональным корпорациям ради сохранения национальной промышленности. На самом деле влияние государства там все равно остается на весьма высоком уровне, ибо такая приватизация обставляется целым пакетом гласных и негласных условий. Иногда таким образом государства избавляются от убыточных активов. Но если говорить о постсоветском пространстве, то, как правило, приватизация несет чисто утилизационный характер. Прибыль в таком случае обычно получается за счет утилизационного демпинга, т. е. временного освоения рынков сбыта за счет заниженных цен, а заниженные цены возможны вследствие того, что никаких вложений, никакой амортизации в основные фонды не осуществляется. То есть предприятие попросту утилизируется в течение определенного срока. При этом создается иллюзия успешной экономической деятельности. Вплоть до полного исчерпания. В наиболее чистом виде мы могли наблюдать эти процессы в Украине. Понятно, что в подобном способе бизнеса заинтересованы очень многие люди, причем люди, обладающие средствами и влиянием. Так что найдется немало «экспертов» и «реформаторов», обосновывающих необходимость приватизации.

В заключение нужно сказать, что рецензирование данной книги – довольно трудоемкое занятие, так как приходится почти на каждой странице обращать внимание на научную несостоятельность многих положений. Учитывая претенциозность целей и задач книги – разработать контуры национальной идеи белорусского общества и предложить новую программу модернизации экономики страны, подобный способ обоснования недопустим. Попытка К. В. Рудого предложить научное изложение идей вылилась в результате в некий (политический) манифест. Если бы автор просто написал и даже опубликовал свое произведение, в этом ничего страшного не было бы. Сегодня каждый имеет право на свое мнение и его публикацию. Учитывая, что бумага стерпит, а интернет – тем более, в информационном пространстве появилось множество произведений разного жанра: от художественных и научных до околонучных и лженаучных. Но данная книга примечательна тем, что она претендует на статус научного издания. А в этом случае к авторам и спрос другой.

Библиографические ссылки

1. Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. Минск, 2017.
2. How Japan Does it // Time. 1981. 30 March.

3. Пронников В. А., Ладанов И. Д. Японцы (этнопсихологические очерки). 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
4. Особенности японского менеджмента [Электронный ресурс] // Всемирная история. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st024.html> (дата обращения: 10.09.2017).
5. Особенности японского автобизнеса [Электронный ресурс] // Car-test.net. URL: <http://car-test.net/car-article.php?aid=17> (дата обращения: 10.09.2017).
6. Что делать? [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/89452/28/Egishyanc_-Tupiki_Globalizacii_Torzhestvo_Progressa_ili_Igry_Satanistov_.html (дата обращения: 10.09.2017).
7. Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» Часть 1 // Телескоп: журн. социол. и маркетинг. исследований. 2005. № 3. С. 2–11.
8. Ядов В. А. «...Надо по возможности влиять на движение социальных планет...» Часть 2 // Телескоп: журн. социол. и маркетинг. исследований. 2005. № 4. С. 2–10.
9. О торговом балансе между Китаем и США (Белая книга) [Электронный ресурс] // Все о Китае из первых рук. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm> (дата обращения: 10.09.2017).

References

1. Rudyi K. V. et al (ed.). [Because we have so solved: behavioural economy of Belarus and its decodiny]. Minsk, 2017 (in Russ.).
2. How Japan Does it. *Time*. 30 March. 1981.
3. Pronnikov V. A., Ladanov I. D. Japanese (ethnopsychological sketches). Moscow, 1985 (in Russ.).
4. [Features of the Japanese management]. URL: <http://historic.ru/books/item/f00/s00/z0000006/st024.html> (date of access: 10.09.2017).
5. [Features of the Japanese car business]. URL: <http://car-test.net/car-article.php?aid=17> (date of access: 10.09.2017).
6. [What to do?]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/89452/28/Egishyanc_-Tupiki_Globalizacii_Torzhestvo_Progressa_ili_Igry_Satanistov_.html (date of access: 10.09.2017).
7. Yadov V. A. [«...It is necessary to influence the movement of social planet...». Part 1]. *Telescop : zhurn. sotsiologicheskikh i marketingovykh issled.* 2005. No. 3. P. 2–10 (in Russ.).
8. Yadov V. A. [«...It is necessary to influence the movement of social planet...». Part 2]. *Telescop : zhurn. sotsiologicheskikh i marketingovykh issled.* 2005. No. 4. P. 2–11 (in Russ.).
9. [About trade balance between China and USA]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm> (date of access: 10.09.2017).

Р. А. Смирнова¹, В. Э. Смирнов²

¹Роза Андреевна Смирнова – доктор философских наук; главный научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси. E-mail: smirnovasoc@yandex.ru.

Rosa A. Smirnova, doctor of science (philosophy); principal researcher at the Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus.

²Виктор Эдуардович Смирнов – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник Института экономики НАН Беларуси.

Victor E. Smirnov, PhD (sociology); leading researcher at the Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus.